

Посошкова, «если ему не украсть, то и хлеба ему добыть негде» (Попов, стр. 62). В итоге — одни на этой службе разорялись сами, другие разоряли народ, и от выбора на кабацкую должность всеми силами старались отделаться. При выборе давали присягу и целовали крест; это не мешало, однако, так усердно грабить и казну, и народ, что в 1679 г. патриарх советовал Собору не приводить голов и целовальников к вере, «чтобы клятвы и душевредства не было», но бояре возразили, что и «за верою было воровство многое, а без подкрепления веры опасно, воровство будет больше прежнего». После двухлетнего опыта, когда «объявилось многое воровство и питейной казне кража и во многих городах большие недоборы» — присяга была восстановлена (Попов, стр. 65).

На каждый кабак был положен оклад, который на всякий следующий год высчитывался с прибылью против прошлых лет. Для сбора его целовальникам было позволено действовать «бесстрашно, за прибыль ожидать его государевы милости и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять».

По точному смыслу этого разрешения один целовальник доносит в 1618 г.: «Я, государь, никому не норовил, правил твои государевы доходы нешадно, побивал на смерть». Но если мы вспомним, что за недобор целовальника вели на правож, то станет отчасти понятной его жестокость. Если же он пытался оправдаться в недоборе, донося — «в твоих, государь, царских кабаках питухов мало». — то ему обиженно отвечали: «вам бы где искать перед прежним прибыли, а вы кабаки хотите оставить, чего прежде не бывало» (Прыжов, стр. 69—71).

Итак кабаки надо было сохранить во что бы то ни стало, хотя вред их бывал подчас ясен и самим устроителям. В 1652 г. в Москве созывается специальный «собор о кабаках», постановление которого предусматривает ограничение продажи вина — «больше той указной чарки одному человеку продавать не велели... всяким людям в долг и под заклад и в кабалы вина с кружечных дворов не продавать». Были указаны дни и часы, когда торговля вином запрещалась; «а на кружечном дворе питухам и близко двора сидеть и пить давать не велели и ярышком и бражником и зерщиком никому на кружечном дворе не быть». «А священнического и иноческого чину на кружечные дворы не пускать и пить им не продавать» (Попов, стр. 45).

Но «в условиях экономического кризиса, переживавшегося Московским государством, это соборное определение в ближайшие же годы подверглось поправкам, изменившим самое существо реформы». Уже в 1659 г.